

ВЕРБАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ КОНДЕНСАТ МАТ' (ИМЕТЬ) В СИСТЕМЕ СЛОВАЦКОЙ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОСТИ:

результаты экспериментального исследования

Н. В. Бардина (Одесса), П. Шима (Братислава)

Проблема функционирования глагола “иметь” в различных языках не раз привлекала внимание лингвистов в течение последнего двадцатипятилетия [см. избранную библиографию в: 17]. Значимость этого предикатора при передаче разнообразных состояний человека определило выделение т.н. *habeo* (*habere*) - языков, противопоставленных *esse* - языкам [см., например: 5; 14].

Практические исследования, проводимые на различном материале, были посвящены описанию распределения *habeo* и *esse* конструкций по семантико-структурным типам предложений, выяснению их межязыковых соответствий, выявлению семасиологического и ономасиологического потенциала глагола “иметь” при вербализации категорий посессивности и модальности. При этом, в соответствии с традициями т.н. картезианской лингвистики, основной упор делался на поиски глубинных, “не затемненных словесным выражением” структур, в результате чего утрачивалось инвариантное содержание *habere*-конструкций. На наш взгляд, акцентирование квазитранзитивности и квазипосессивности целесообразно лишь при логических, несобственно языковых построениях. При анализе же языка как системы концептуализации мира, средства идеального конструирования, на передний план выходит именно возможность посессивной трансформации мира. И в этом смысле несущественными становятся некоторые привычные противопоставления, например, модальных и немодальных значений *habeo*-предикатора: если когнитивные структуры включают три основных подсистемы – ментальную, эмоциональную и волевую, “обладание” каждой из них функционально равнозначно в рамках антропоцентрического представления языковых конструкций.

Наше обращение к словацкому языку, который, как и другие западно-славянские языки, относится к *habeo*-группе [6], было вызвано стремлением выявить включенность глагола *mat'* в общую систему лингвоментальности словиков.

Сам глагол рассматривается нами при этом как вербально-когнитивный конденсат (ВКК)¹ – звуковой стереотип, закрепляющий наиболее значимый

¹ Мы предпочитаем использовать этот введенный одним из соавторов термин [см.: 3], который, в отличие от распространенного в когнитивном языкознании термина “концепт”, обладает более определенным содержанием и ориентирован именно на лингвистические исследования

для национального мировидения фрагмент реальности [о явлении вербально-когнитивной конденсации подробнее см.: 3]. Из этого определения следует, что семантическая емкость глагола и синтетизм его значений, не передаваемые без потерь иноязычными конструкциями, должны соответствовать детерминанте языкового существования словака, находя подтверждение в общих ориентациях сознания *Homo loquens* [подробнее см.: 2].

На то, что глагол *mat'* занимает одну из ключевых позиций в словацком языке, указывает даже его позиция в далеких от совершенства и точности частотных словарях. Так, в словаре Йозефа Мистрика *mat'* стоит на 13 месте после *a, byť, v, na, sa, ten, on, že, z, ako, s, do* (английский глагол *have* занимает, по одним данным, – 6, по другим, – только 19 место [6 : 52], французское *avoir* – 8-ое, чешское *mít (se)* – 11, немецкое *haben* – 51) [16]. То есть формально *mat'* оказывается четвертым по употребительности знаменательным словом, а фактически выступает первым, поскольку частотность местоимений *on* и *ten* определяется их референтно-указательной функцией, актуализируемой в дискурсе, глагол *byť* используется в словацком языке в качестве связочного, реляционно-грамматического стереотипа, в то время как *mat'* выполняет, прежде всего, пропозиционно-номинальную функцию. Реальная же частотность этого ВКК в естественной речи носителей словацкого языка еще выше, так как материалом для составления частотного словаря служили исключительно письменные тексты, и под рубрикой “диалоги” представлены результаты анализа драматических произведений [Ibid., s. 2-7].

Можно было бы предположить, что значимость *mat'*-конструкций в словацком языке обусловлена латинско-немецко-чешским воздействием на формирование системы норм. Действительно, в специальной литературе не раз отмечалась исключительная для центральноевропейского ареала, номинально не менявшаяся вплоть до 1867 года, роль латинского языка на территории Угорского королевства, в которое входила Словакия [см., например: 11; 16]. Причем словацкий язык, в отличие от немецкого и венгерского, был более восприимчивым к влияниям извне [см.: 10]. Полагаем, однако, что те или иные внешние воздействия на язык только тогда оказываются результативными, когда они отвечают внутренней логике развития самого этого языка. И здесь уместно вспомнить, что Э. Бенвенист, возражая против интерпретации перфектных форм в немецком языке как вторичных образований, появившихся под влиянием латинских (*habere scriptum* – “я имею написанным”), настаивал на признании самостоятельности развития языков в сторону *habere*-конструкций [5 : 217]. Если рассматривать язык не просто как исторически сложившуюся и динамически развивающуюся систему знаков, а как способ существования сознания и систему интерпретации мира, то значимость тех или иных языковых форм не может определяться иначе как значимость имманентная, задаваемая ценностной системой данного языка.

Именно с этих позиций должен рассматриваться и ВКК *mat'*, его внешние и внутренние системные связи.

В справочной литературе выделяется более 30 свободных лексико-семантических вариантов глагола *mať*, около 60 связанных, определяемых семантикой распространителя, более 140 фразеологизмов, содержащих *mať* в качестве опорного компонента [см.: 12; 15; 19]. Однако предлагаемые разграничения ЛСВ часто вызывают сомнения (например, отнесение построений типа *Máš čím písať* к группе с модальным значением (Ср.: *Máš pero*), а *Máš čas* – к полнозначно посессивным [12 : 140-141]). Предпринимаемые попытки отделить денотатное содержание, определяемое с точки зрения современного человека, от содержания языковой формы, отражающей мировосприятие наших предков и, безусловно, воздействующей на подсознание, и представить реальные высказывания с позиций трансформационной грамматики приводят ко вполне естественным затруднениям и условностям в квалификации [см.: 7 : 50-51].

Осуществленный нами антропоцентрический анализ словацких *mať*-конструкций на контрастирующем фоне русского языка прежде всего показал, что формирующий их ВКК способен трансформировать практически любой фрагмент реальности, “стянув” его к позиции принадлежности субъекту. Ср.: *Dnes je zlé počasie* – ‘Сегодня плохая погода’ и *Dnes máme zlé počasie* – ‘Сегодня имеем плохую погоду’. Конструкции второго типа отражают факт заинтересованности, личной причастности к описываемому явлению. И это в известном смысле опровергает высказываемое в специальной литературе мнение, что *esse*-языки используют одинаковые конструкции для описания мира вообще и микромира человека, а в *habeo*-языках происходит четкая дифференциация: “сообщение о мире и его частях, взятых в плане их предметного содержания, создается по бытийному типу, представленному специальными синтаксическими конструкциями, а микромир человека изображается в виде его владений” [1 : 184-185]. В словацкой лингвоментальности весь мир может быть трансформирован в виде владений субъекта, представлен в виде микромира.

Конечно, в этой “империи Номо habens” есть участки большего и меньшего притяжения. Модель владеющего субъекта – это, как нам представляется, диффузная система концентрических окружностей с не поддающимся определению непроницаемым (сверхкатегориальным) ядром, способным к “присвоению”, агглютинации основных категорий реальности – вещей, свойств, отношений. Владение ими может выступать как статальное и как акциональное, как контролируемое и как вынужденное, как самодостаточное и как соотнесенное с другими кругами обладания.

Начинаясь с а) конститутивных на момент отождествления личности признаков-свойств (возраст, особенности психофизического строения), круги посессивности охватывают

б) непостоянные свойства (ментальные, эмоциональные, волевые и физические состояния, включая состояние конститутивных признаков первого уровня), обладание которыми часто определяется взаимосвязями с внешними кругами (*Mám strach z písanky* – ‘Я боюсь контрольной работы’, *Mám*

všetkého plné zuby – ‘Мне все надоело’, *Mám v pohách dlhú túru* – ‘У меня болят ноги от долгой пешей прогулки’),

в) включенность в ситуацию, ситуативное акциональное состояние субъекта (без актуализации момента несвободы выбора, передаваемое с помощью зависимого компонента в категориальной форме “предмета”, – *Mám obed, skúšku, školu* или со сменой категориальной принадлежности объекта, что меняет и модальную устремленность субъекта, переносит обладание во внутренние круги – зону “б” – системы личности: *Mám obedovať*),

г) пограничную между дифференцирующей личностью и приближенную к ней сферу личных вещей (на пограничность зоны указывает двусмысленность конструкций типа *Mám pekný svet*: ‘Имею вообще’ и ‘На мне сейчас надет’),

д) предметы, существующие в сфере деятельности субъекта (*pero, kniha, byt, bicykel, auto*),

е) ближайшее социальное окружение (*rodina, priateli, občianstvo*),

ж) ситуативное результативно-акциональное состояние без акцентирования деятеля (ср.: *Mám upratané* – ‘Я уже все убрала’, *Mám sľubené* – ‘Мне обещали’),

з) включенность в открытый пространственно-временной континуум: статическую пациенсную (*Máme čas, dážď*) и акциональную, центробежную (*Mám kám ísť*),

и) включенность в закономерности макрокосма (*Mám št’astie, smolu* – ‘Мне везет, не везет’. *Máš pravdu* – ‘Ты прав’. *Mál pohreb* – ‘Его похоронили’).

Все многообразие связей с миром, реализуемое с помощью ВКК *mať*, упорно можно передать трехчленной формулой: *имею в себе, имею при себе, имею вокруг себя*. Четкая дифференциация связей не всегда установима, но еще раз заметим, что противопоставление модальных и немодальных состояний в известной мере условно, так как принципиальным в данном случае выступает именно прототипическое значение экзистенциально-личностного владения. Конденсированные смыслы обладают способностью взаимопроникновения и взаимовлияния. Любое состояние может приобрести оттенок модальности, а внешняя необходимость – внутреннего состояния.

Зона ‘иметь в себе’ в наибольшей степени воспроизводима логосознанием словиков.

С одной стороны, это доказывается семантической ориентацией фразеологизмов (из устойчивых сочетаний, отмечаемых словарями, более 60% характеризуют внутреннее состояние личности), наличием семантически стяженных конструкций со всеохватным до пустоты объектом *to*, интерпретируемых в том же аспекте: *Máš / nemáš na to* – ‘имеешь / не имеешь достаточно способностей для успешного выполнения контекстуально упомянутой деятельности’, *Už to mám!* – ‘вспомнил! понял! получилось!’, *Mám za to, že...* – ‘Мне кажется, что...’, *Mám za to?* ‘Разве я за это несу ответственность?’ Кругом “б” очерчивается значение и ритуальных реплик ‘*Ako sa máte?*’, ‘*Maj(te) sa*’ (дословно: ‘Как вы себя имеете?’, ‘Имейте себя’).

С другой стороны, на особую системную значимость психофизических личностных состояний в словацкой ментальности указали результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами с 50 студентами философского факультета Университета им. Я.А.Коменского.

В качестве стимулов в эксперименте использовались 2 формы ВКК: *mám* и *máš*. Их выбор был обусловлен основными параметрами вхождения говорящего в реальность: оценкой самого себя ("Я-статус") и квалифицированием собеседника ("Ты-отношение").

Безусловно, мы отдавали себе отчет в том, что результаты эксперимента в данном случае отражают не только национальную, но и социальную, возрастную, андрогинную (половую), личностную ориентацию сознания. Однако социально-личностное варьирование проявляется обычно в конкретизации вторичных объектов, охватываемых смысловым отношением, значимость самого отношения – фактор более глобальный.

Из полученных 1258 ответов 660 (52,5%) актуализировали зоны "а" и "б": постоянные и переменные когнитивно-физиологические свойства субъекта. Из них наиболее частотными оказались следующие реакции: на *mám* – в составе стереотипа *mám rád(a)...* (39), *mám chuť na...* (26), *mám sa dobre* (20), *mám strach* (21), *radosť* (18), *dobrú náladu* (16), *pochopenie* (15), *priateľsky vsťah* (14), *zlú náladu* (14), *hlad* (12), *rozum* (11), на *máš* – *ako sa máš?* (*máš sa?*) (24), *máš na to* (15), *pochopenie*, *porozumenie* (14), *máš rád(a)...* (13), *silné reči* (12), *máš dobrú náladu* (9).

Характеристика физического состояния актуализировалась реже (18 реакций на *mám* и 8 на *máš*): *mám chrípku*, *bolesti (hlavy)*, *vyšokú teplotu*, *hlad* (3) *malý*, *častočne dobré zdravie*, *máš chrípku*, *horúčku*.

Реакций на *máš* вообще было значительно меньше, чем на *mám*: 498 против 760, но в данной группе расхождения наблюдались не столько количественные (272 : 388), сколько содержательные. В *mám*-конструкциях преобладала оценочность, а также волитивная окрашенность базового ВКК (38 апеллятивных реакций, нередко подчеркнуто назидательных: *Máš ísť domov!* *Máš to dopísať!*). Обращает на себя внимание партнерская соотносительность состояний: значительная частотность реакций, указывающая на эмоционально-ментальную связь между Я и Ты (*pochopenie*, *porozumenie*, *priateľský*, *dobry vsťah*). Вместе с тем многие Ты-реакции свидетельствовали об эгоцентричности мировидения: *Máš ma rád?* (*Maj ma rád!*) (10). Акцентуация этих смысловых зон коррелировала с общей установкой словаков на толерантную автономность языкового существования [подробнее см.: 2 : 162].

Вторая по частотности группа охватывала круги "г" и "д" – владение вещами: 192 реакции – 100 на *máš* и 92 на *mám*. Ценностная организация этих подсистем также была различной: в Я-группе наиболее частотными были реакции *knihy (-u)* (24), *bicykel* (13), в Ты-группе – *peniaze* (21), к которой примыкали функционально равнозначные *učeť v banke*, *požičať stovku* (*tisíčku*) и др. Возникшее предположение о социальной обусловленности этих реакций обусловило проведение индивидуального блиц-опроса среди студентов Одес-

ского университета. В группе из 30 информантов на стимул *У меня есть...* 15 человек ответили *тетрадь*, шестеро – *книга*, четверо – *собака*, на стимул *У тебя есть...* частотными были "уравнивающие" реакции: *"И у тебя есть тетрадь (книга, ручка)"*, только в трех случаях был получен ответ *деньги*. Такое соотношение ответов при полном отсутствии смысловой ретрофлексии (~ *дашь взаймы*) в ответах русских студентов не только свидетельствует о большой ситуативной зависимости ответов русских информантов (владение тетрадью в данном случае было актуализированным), но и дает основание предположить, что на общую социальную систему ценностей накладывается и этнокультурный отпечаток.

Третья по частотности группа реакций ("е") была интересна абсолютным преобладанием Я-связей. 124 реакции на Я-стимул реализовали включенность субъекта в социальную группу, прежде всего – в семью: *Mám mamu* (*mamičku*, *maminu*) (24), *rodičov* (8), *mamu a otca* (2), – всего 34, *sestru* (16), *brata* (15), *priateľov* (15). Вызываемые ассоциации часто сопровождалась оценкой или количественной характеристикой: *Mám dobrú mamičku*. *Mám skvelú mamu*. *Mám jednu sestru*. *Mám mladšiu sestru*. *Mám veľa (zopár) priateľov*. *Veľmi obetavých rodičov*. На Ты-стимул реакции такого типа были редкими (12): *Máš súrodencov?* *Máš dve sestry alebo tri?*

Контрольный опрос одесских студентов со стимулом *У меня...* показал относительную неактуальность этой зоны в лингвоментальности русских¹.

Причины такой ориентации сознания словаков объясняются историческими условиями формирования этноса. По мнению специалистов, тысячелетняя зависимость, повлиявшая на все стороны жизни словаков, в более частном виде проявилась в осознании семьи как основы национальной и личностной идентичности [21 : 8].

Следующие по значимости круги – "з" и "в": включенность в пространственно-временной континуум (74 реакции) и в актуальную ситуацию (60 реакций). Акцентуация круга "з" показала важность для словаков фактора свободного времени, которым может распоряжаться субъект: *Mám čas* (24), *máš čas* (12), *máš pre mňa čas (trochu času)?* (12). Указание на местонахождение в "принадлежащем субъекту" пространстве часто реализовали двойную маф-конструкцию: обладание предметом или родственными связями + личностное притяжение пространства – *Kde mám tašku?* *Kde máš brata?*

Акциональное вхождение в ситуацию было логичным отражением процедуры эксперимента: *mám hodinu* – 'у меня сейчас учебное занятие' (23), *ruštinu* (8), *Kuželovú* (фамилия преподавателя, чья лекция должна была начаться после проведения эксперимента) (4).

¹ Любопытно, что автор учебника по сопоставительному синтаксису для русистов Ян Светлик, сочиняя иллюстративный материал для habeo-конструкций, подсознательно предпочитал объекты, значимые прежде всего именно для словаков *peniaze*, *bicykel*, *brat* – соответственно *деньги*, *велосипед*, *брат* [8 : 197, 199, 200].

Владение судьбой (зона "и") частотнее реализовалось в сфере "Ты" (43 против 18): *máš (obrovské) šťastie* (17), *máš problémy* (13), *(občas) smolu* (3).

Результативно-акциональное состояние (круг "ж") в эксперименте было актуализировано только у трех информантов.

Особое место заняли рефлексивные метаязыковые реакции (13): *Mám je veľa, nemám je viac. Mám čo mám. Mám ma. Mám niečo mať. Mám niečo vlastniť*.

Соотнесенность трех прототипических сфер "обладания" схематически представлена на рис. 1.

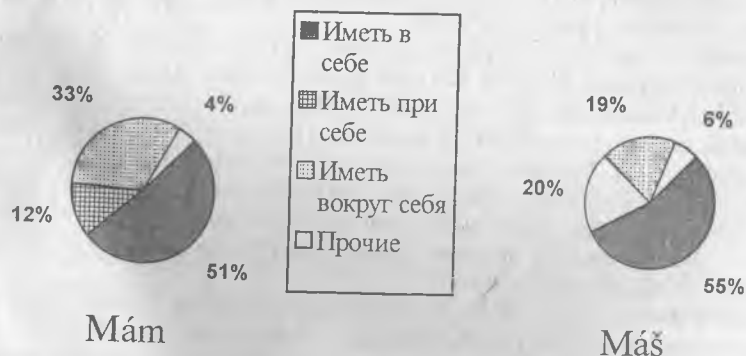

Рис. 1. Соотнесенность значимости прототипических сфер обладания в системах "Mám" и "Máš"

Распределение актуализированных значений внутри сферы "иметь вокруг себя" отражено на рис. 2.

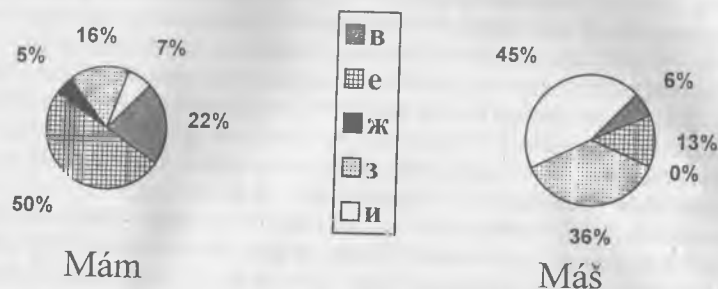

Рис. 2. Соотнесенность зон "длящаяся ситуация" (в), "социум" (е), "итоговая ситуация" (ж), "включенность в континуум" (з), "включенность в макрокосм" (и)

Отмеченные в эксперименте всеохватность ВКК *mať*, центробежный (ори-

ентированный на другого и внешний мир) эгоцентризм ("*Máš to, čo nemám ja*"), подчеркнутая значимость мира эмоций, семьи и противопоставленность внутреннего ощущения несвободы и свободы деятельности нашли полное подтверждение в акцентуации других подсистем словацкой лингвоментальности и речевом поведении словаков.

Так, в частности, исключительная значимость представления мира как фрагментов, принадлежащих кому-либо, поддерживается также частотностью и регулярностью использования в словацком языке притяжательных прилагательных, которые, представляя собой явные конденсаты, настолько прочно соединились в сознании словаков с национальной идентификацией, что, как помним, требование венграми отмены притяжательных форм фамилий женщин привело к бурным политическим дискуссиям в парламенте.

В культурологии и психологии не раз высказывалось мнение, что акцентуация "иметь" вместо "быть" приводит к одиночеству, душевной раздвоенности, ненадежности, болезненности бытия [13, 96]. Значимость обладания у словаков, действительно, исторически связана с особенностью национального характера, которую можно назвать диалектичностью мировидения [подробнее см.: 4; 20]. Исторические условия формирования этноса обусловили не только разделение "своего" и "чужого" в сознании словака, не только обострили его чувство семьи, но и перевели категорию обладания в разряд экзистенциальных, коренящихся в самих условиях человеческого существования. Это было рационально обусловленным стремлением к самосохранению, не вступающим в конфликт с бытием [см.: 9, 91-92]. В результате словакоментальный его можно представить как соотнесенную с окружающим миром точку отсчета бытия, притягивающую, присваивающую чувства, состояния, которые не меняют личностной сути человека (для сопоставления отметим, что русскоментальный его воспринимается как претерпевающее вместилище, недаром один из национально маркированных русских концептов "тоска" связан с понятием пустоты). Свободу определяют как осознанную необходимость. Тогда внутренняя независимость предстает как, во-первых, присвоенная, ассимилированная, превращенная в собственность необходимость, когда даже отсутствие чего-либо оборачивается наличием (*mám nedostatok šťastia, kľudu*) и, во-вторых, как отстраненность претерпеваний души, когда ее состояние переходит в нестабильное отношение не только с окружающим миром, но и собственным миром эмоций. В этом смысле внутренняя независимость словаков, нашедшая отражение и закрепление в тенденциях когнитивной конденсации, выступает как условие психологической целостности этноса [см.: 3]. Таким образом фразу "*Mám či nemám – to je otázka*", которую произнес один из участников эксперимента, можно рассматривать как ключ к словацкой идентичности.

Литература

1. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). – М.: Наука, 1983.
2. Бардина Н.В. Языковая гармонизация сознания. – Одесса: Астропринт, 1997.
3. Бардина Н.В. Когнитивная конденсация как принцип этнолингвального варьирования // Слов'янський збірник. – Вип. III. – Одеса: Астропринт, 1997. – С. 8 – 14.
4. Бардина Н.В. Проблема диалектичности словацкого мировидения и релятивизм словацкого дискурса // Матеріали міжнародної славістичної конференції пам'яті професора Костянтина Трофимовича. – Т.І. – Львів: "Літопис", 1998. – С.282-287.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
6. Кейтер Дж. Компьютеры – синтезаторы речи. – М.: Мир, 1985.
7. Мразек Р. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. – Brno: Univerzita J.E. Purkině, 1990.
8. Светлик Ян. Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким. – SPN: Bratislava, 1979.
9. Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990.
10. Buzássyová K. Slovenčina ako stredoeurópsky slovanský jazyk (K problému jazykového zákonodarstva) // Slovenská reč, 63. – 1998. – No. 3. – S. 131 – 142.
11. Doruľa J. Slováci v dejinách jazykových vzťahov. – Bratislava: Veda, 1977.
12. Filkusová M. Mat' // Veľký slovensko-ruský slovník. – II. Diel. – Bratislava: Veda, 1982. – S.140 – 146.
13. Gajda J. Samotnosť i kultura. – Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych. – 1987.
14. Isačenko A. V. On have and be languages: a typological sketch // Slavic forum. Essays in linguistics and literature. – The Hague; Paris, 1974.
15. Krátky slovník slovenského jazyka. – Bratislava: Veda, 1989.
16. Mistrik J. Frekvencia slov v slovenčine. – Bratislava: Vyd. SAV, 1969.
17. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatku po súčasnosť. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983.
18. Příkrýlová M. Semantika konstrukcí se slovesem mít ve staroslověnských biblických textech a vývoj těchto konstrukcí do češtiny a bulharštiny // Česká slavistika 1998: České přednášky pro XII. Mezinárodní sjezd slavistů. Krakov 1998. – S.67-72.
19. Smiešková E. Malý frazeologický slovník. – Bratislava: SPN, 1988.
20. Jurovský A. Slovenská národná povaha // Slovenská vlastiveda. Zv II. – Bratislava, 1943. – S. 335-398.
21. Weiss-Nägel A. Národné povedomie a charakter // Filozofický zb. – Roč. 1 (40). – Č. 1,